1. Мы, действительно, и не боимся и не страшимся того, что претерпеваем от незнающих; так как мы, желая достигнуть того, что Бог обещает, и боясь терпеть то, чем Он угрожает жизни развращенной, вступили в эту секту, приняв, конечно, условие ее договора — вести эту битву, жертвуя своею жизнью. Поэтому мы сражаемся со всякою вашею жестокостью, выступая против нее даже добровольно, и радуемся более тогда, когда нас осуждают, чем тогда, когда нас оправдывают. Итак, мы посылаем эту книжку, боясь не за себя, а за вас и всех врагов своих, не говоря уж о друзьях. Ибо учение наше повелевает нам любить даже врагов и молиться за тех, кто нас преследует, чтобы доброта наша была совершенною и чтобы составляла нашу собственность, а не принадлежала всем. Ведь любить друзей свойственно всем, а любить врагов — одним только христианам. Поэтому мы, и скорбя о вашем незнании, и сожалея о вашем заблуждении, и прозревая будущее, и видя, что знамения его ежедневно угрожают, должны решиться хотя этим способом заявить вам то, что вы не хотите открыто выслушать.

2. Мы чтим единого Бога, Которого все вы знаете по природе, при молниях и грозах Которого вы трепещете, при благодеяниях Которого вы радуетесь. А сами вы думаете, что есть другие боги, о которых мы знаем, что они демоны. Однако по человеческому праву и естественной власти каждый может почитать то, что он хочет, и богопочитание одного не приносит ни вреда, ни пользы другому. Поэтому богопочитанию (религии) не подобает вынуждать богопочитание, так как оно должно быть принято добровольно, а не путем насилия, так как и жертвы требуются от духа волящего. Поэтому хотя вы и принудили бы нас к жертвоприношению, однако этим ничего не даровали своим богам, ибо они не требуют жертв тех, кто их не желает приносить, если только они честолюбивы. Но Бог не честолюбив. К тому же, Кто есть истинный Бог, Тот все свое одинаково дает как своим подателям, так и не почитателям, и потому Он определил вечный суд для угодных ему и неугодных. Однако нас, которых вы считаете святотатцами, вы никогда не поймали при простой краже, не только что при ограблении храма. Все же грабители храмов и клянутся богами, и почитают богов, и не христиане, и однако изобличаются в святотатстве. Долго было бы говорить о том, какими другими способами все боги ваши и осмеиваются, и презираются самими почитателями своими, если бы я захотел это сделать. Нас обвиняют также и в оскорблении величества императора; однако никогда нельзя было найти христиан ни среди адьбиниан, ни среди нигриан, ни среди кассиниан. Но те самые, которые даже накануне клялись гениями императоров, которые часто осуждали христиан, оказались врагами их. Христианин же не есть враг никакого человека, тем более императора, о котором он знает, что он поставлен его Богом, которого он должен и любить, и бояться, и почитать, и желать его благоденствия вместе с благоденствием всей Римской империи, пока будет существовать мир, ибо дотоле он будет существовать. Поэтому мы почитаем и императора так, как нам позволено, и как ему полезно, как человека, который выше всех после Бога, который получил от Бога все, что он есть, который ниже одного только Бога. Этого и сам он

должен желать. Ибо Он больше всех потому, что ниже одного только истинного Бога. Он больше и самих богов, потому что и сами боги находятся в его власти. Поэтому мы и жертвы приносим за здоровье императора, но Богу своему, и в виде чистой молитвы, обращенной к Нему, как сам Он повелевает. Ибо Бог, творец вселенной, не нуждается в каком-либо благовонии или какой-либо крови. Это, конечно, пища демонов. Демонов же мы не только презираем, но и укрощаем, и ежедневно открываем их, и изгоняем из людей, как известно весьма многим. Итак, мы больше молим за здоровье императора, прося его у Того, Который может даровать его. И вообще, что мы делаем, следуя учении о божественном терпении, это для вас может быть достаточно ясно, когда мы, составляя такую толпу людей, почти большую часть каждого города, живем тихо и скромно, когда мы более известны по одиночке, чем в массе, когда о нас знают не почему-либо другому, как потому, что мы покидаем прежние пороки. Да не будет того, чтобы мы с досадою переносили то, что терпеть мы желаем, или чтобы мы с своей стороны замышляли какое-либо мщение: его мы ожидаем от Бога

3. Впрочем, как мы выше сказали, нам необходимо скорбеть, потому что никакой город безнаказанно не совершит пролития нашей крови. Так было и в правление Гилариана, когда кричат о местах (de areis) наших погребений: arefe поп sint, да не будет кладбищ, агеае ipsorum поп fuerunt, и не было токов у них самих, так как они не сделали жатв. Но и дожди прошлого года о чем напомнили людям, это ясно. Они напомнили, конечно, о том, что и раньше был потоп за неверие и несправедливости рода человеческого. И чем угрожали огни, весьма недавно висевшие над стенами Карфагена в продолжение ночи, знают те, которые видели их. И на что указывали прежние громы, знают те, которые были глухи к ним. Все это - знамения грозного гнева Божия. Нам необходимо, насколько мы можем, и возвещать о нем, и предсказывать его, и молиться, чтобы он теперь был поместным. Конеч-н0; в свое время узнают гнев всеобщий и последний те которые знамения его толкуют иначе. Конечно, и прекращение солнечного света в Утическом округе было необыкновенным явлением, потому что солнце, стоя на своей высоте и в своем месте, не могло сделать это своим обыкновенным затмением. Впрочем вы имеете астрологов. Мы можем также сказать тебе и о кончине некоторых правителей, которые пред смертью своею сознались, что они согрешили в том, что мучили христиан. Вигеллий Сатурнин, который первый поднял здесь меч против нас, лишился зрения. Клавдий Луций Герминиан, когда, негодуя на то, что жена его перешла в эту секту, жестоко поступал с христианами в Каппадокии и когда, один только болея в своем дворце, заживо съедался червями, говорил: пусть никто не знает об этом, чтобы христиане не радовались и христианки не надеялись. Потом, сознав свое заблуждение, так как он делал то, что некоторые благодаря пыткам отпадали от своей веры, умер почти христианином. Цецилий Капелла во время известной погибели Византии воскликнул: радуйтесь, христиане! Но и те, которые не понесли никакого наказания, придут для наказания в день божественного суда. И тебе мы желаем, чтобы тот удар, которому ты подвергся тотчас после того, как осудил Мавила Адруметского для зверей, служил для тебя единственным напоминанием, и теперь по этой же причине

произошло повреждение крови. Но помни об этом и на будущее время.

4. Ты не наводишь на нас страха, так как мы тебя и не боимся. Но я желал бы, чтобы мы могли всех вас спасти призывая вас не сражаться с Богом. Ты можешь и исполнять долг своей судебной власти и помнить о гуманности т потому, что и вы находитесь под мечом. Что, конечно, больше тебе повелевается, как не то, чтобы ты осуждал тех преступников, которые сознались, и чтобы подвергал пыткам тех, которые отрицаются? Поэтому вы видите, как вы сами поступаете против законов, принуждая отрекаться тех, которые сознались. Поэтому вы признаете нас невинными, не желая осуждать нас тотчас после нашего сознания. Если же вы стремитесь к умерщвлении нас, то вы истребляете невинность. А сколько правителей и очень строгих и очень жестоких оставляли без внимания эти дела. Таков был Цинций Север, который в Тисдре сам дал совет, как христианам отвечать, чтобы можно было их отпустить. Таков был Веспроний Кандид, который, чтобы успокоить граждан, отпустил христианина как человека, могущего произвести мятеж. Таков был Аспер, который человека отпавшего тотчас после немно гих мучений, не принудил приносить жертвы и заявил присутствии адвокатов и судей, что он сожалеет о том что попал в это дело. Также Пудент отпустил присланного к нему христианина, узнав из обвинения корыстность доноса. Разорвав обвинение, он сказал, что он согласно закону никого не будет слушать без обвинителя. Это все может быть тебе сообщено и должностными лицами и теми адвокатами, которые и сами пользуются благодеяниями их, хотя они говорят, что хотят. Ибо и чей-то писец, будучи одержим демоном, освободился от него и чей-то родственник и раб тоже освободились от него и сколько людей знатных (я не говорю о простых людях) вылечивались или от демонов или от болезни? Даже сам Север отец Антонина, помнил о христианах. Ибо он отыскав Прокула христианина, который назывался Торпационом, прокуратора Эвходии, который некогда исцелил его маслом, и держал его в своем дворце до его смерти. Его весьма хорошо знал и Антонин, воспитанный на молоке христианском. Далее Север, зная, что и знатнейшие женщины и знатнейшие мужчины принадлежать к этой секте, не только не преследовал их, но даже дал им свидетельства и явно защищал их от народа, нападавшего на них. И Марк Аврелий во время германского похода получил дождь благодаря молитвам христианских воинов, обращенным к Богу, когда была сильная жажда Когда засухи также не устранялись коленопреклонениями и постами нашими? Тогда и народ, взывая к Богу богов, Который один только может, воздал благодарность нашему Богу под именем Юпитера. Кроме этого мы не отказываемся от того, что дано нам под залог, мы не оскверняем ничьего брака, мы с любовью относимся к сиротам, мы нуждающимся помогаем, мы никому не пла-тйм злом ни за что. Пусть видят это те, которые обманывают секту и от которых и сами мы отказываемся. Кто наконец приносит на нас жалобу под другим именем? За какое другое дело страдает христианин, кроме дела своей секты? А ведь в столь продолжительное время никто не доказал, что она преступна, что она жестока. За столь большую невинность, за столь большую честность за справедливость, за целомудрие, за веру, за истину за Бога живого нас сжигают, чему обыкновенно не подвергаются ни святотатцы, ни действительные

общественные враги, ни преступники против императора. Ибо и теперь правитель Легиона, и правитель Мавритании мучат за это имя, но только мечом, как и в начале было повелено наказывать за дела такого рода. Но большие сражения большие и награды.

5. Ваша жестокость - наша слава. Опасайся только чтобы не оказалось, что тем самым, что мы претерпеваем это мы стремимся к тому только, чтобы доказать, что мы не боимся этого, а добровольно зовем это. Когда Аррий Антонин сильно преследовал в Азии, то все христиане этой страны явились к его трибуналу, составив из себя громадную силу. Тогда он, приказав немногих отвести, остальным сказал: жалкие люди! Если вы хотите умереть, то у вас есть камни и веревки. Если бы угодно было нам сделать это и здесь, то что ты стал бы делать со столькими тысячами людей, со столькими мужчинами и женщинами, людьми всякого пола, всякого возраста, всякого состояние, если бы они явились к тебе? Сколько потребовалось бы огней, сколько мечей? Что стал бы претерпевать сам Карфаген, в котором ты должен был бы наказывать десятого, когда каждый знал бы там своих родственников, своих товарищей, когда каждый, может быть, видел бы там и мужей и женщин твоего сословия, и всяких знатных лиц и или родственников или друзей твоих? Поэтому щади себя, если не щадишь нас. Щади Карфаген, если не щадишь себя. Щади провинцию, в которой каждый сделался добычею воинов и врагов своих, когда узнали решение твое. Нет у нас никакого учителя, кроме единого Бога; Он находится пред тобою и не может скрыться; но ты ничего не можешь сделать Ему.

Но те, которых ты считаешь своими учителями, — люди, и сами они некогда имеют умереть. Впрочем, эта секта не уничтожится. Ты должен знать, что тогда более она увеличивается, когда, по-видимому, истребляется. Ибо во всяком, кто видит такое терпение, возбуждается недоумение, и всякий воспламеняется желанием узнать, в чем тут дело, и когда познает истину, то и сам тотчас последует за нею.